

Григорий Померанц

Возникновение и становление личности

Сейчас у каждого взрослого человека в нашей стране имеется удостоверение личности. Но очень редко, когда вы сидите в метро и оглядываете противоположный ряд сидящих, вам хочется остановиться взглядом на каком-то лице, мужском и женском, и чтобы вы подумали: «Вот это, пожалуй, личность». Личность не как условный административный термин, а как термин психологический и даже онтологический появляется очень медленно в ходе долгого исторического процесса и прежде всего в эпохи кризисов.

В обществе предписанных ролей личности в строгом смысле нет. Каждый подросток, мальчик или девочка, знают, что им придется сдать строгий экзамен, единый для всех; они подвергаются различным испытаниям; нужно показать, что у них есть выдержка, необходимые умения, и после этого старики еще расскажут им основные мифы племени, которые как бы связывают их с чувством вечности.

После кризиса, когда медленно нарастающие изменения заставляют что-то изменить, как правило, меняется только характер предписанных ролей. Они становятся сложнее, единое общество делится на сословия, например, индоевропейские народы, как правило, делились на четыре сословия, в Индии они сохранились до сих пор – варны, но там есть бесчисленная масса более дробных делений. И опять-таки в каждой новой касте снова возникает система жестких предписанных ролей, и нет места для возникновения совершенно самостоятельной личности. Разве только вне общества в мистическом углублении отшельника. Здесь Индия достигла многого.

Вызов, ведущий к индивиду, опирающемуся на самого себя, на собственную глубину, к личности, начинается тогда, когда кризис становится чем-то постоянным, когда изменения происходят непрерывно, когда каждый короткий промежуток времени возникает совершенно новая ситуация, когда родители сплошь и рядом оказываются банкротами, и мальчишки и девчонки считают необходимым переписать все заново. Тогда возникает вопрос, как это сделать.

Личность начинается тогда, когда народ превращается в толпу, в многоликое чудовище, лишенное прочной ориентации, предписанные роли заканчивались, индивидуальные роли люди найти еще не умели. И подросток, достигнув известного развития, иногда чувствует потребность вырваться из толпы. Это очень хорошо описано в романе нашего современника Александра Мелихова «Изгнание из Эдема». Эдемом было состояние волчонка в стае волчат, а в 16 лет он почувствовал, что ему опротивела эта волчья стая, и он хочет вырваться из нее. Подробно это описано в романе, я не собираюсь его пересказывать.

У меня соответствующий миг произошел интеллектуально. Я никогда не был волчонком в стае, я держался в стороне от стаяк, в которые собирались мои сверстники, и очень любил читать. И вот в 15 лет, читая том за томом Шекспира, которого я одалживал у соседей по коммунальной квартире, дореволюционного Шекспира с красивыми картинками, я натолкнулся на следующий эпизод. Сперва выступает Брут и очень убедительно, красиво доказывает, что надо было убить Цезаря, чтобы восстановить добрые нравы в Республике. Затем выступает Антоний. Сперва он присоединяется к Бруту, хвалит его, а потом поворачивает настроение так, что толпа, только что рукоплескавшая Бруту, уже ненавидит его, и Бруту приходится бежать.

Я с огорчением увидел, что так же сперва поддался на демагогию Брута, а потом на демагогию Антония, и это меня возмутило. И я решил,

что в том, что я читал, надо поискать какие-то фразы, идеи, слова, которые я никому не отдам, которые я чувствую, как глубинно мое. Может, я не так выражался, но я начал искать такие фразы и прежде всего у Шекспира. Например, с тех пор у меня врезался в сознание ответ Гамлета Розенкранцу и Гильденстерну: «Вы можете меня расстроить, но не играть на мне». Или его ответ Полонию, когда речь шла об актерам: «Примите их лучше, чем они заслуживают, ибо если каждого принимать по заслугам, никто не избежит плетей».

В 16 лет я открыл нового любимого автора, Стендаля, в романе, который тогда назывался «Красное и белое», а теперь печатается под названием «Люсьен Левен». Дело в том, что это незаконченный роман, и в черновиках были разные варианты заглавия. Увлечшись романом, я перечитал и предисловие, которое обычно читают последним, потому что интереснее роман, чем предисловие к роману. На этот раз оказалось интересным и предисловие. С тех пор, хотя я не перечитывал Стендаля, наверно, около 70 лет, я помню его изречения: «Позиция автора обладает только одним недостатком: каждая партия может считать его членом партии своих врагов». Или другое там же: «Политика в романе – как пистолетный выстрел во время концерта».

Дело было в 1934 г., летом, т.е. уже состоялся XVII партийный съезд, на котором 292 человека вычеркнули фамилию Сталина в бюллетене тайного голосования. Потом, конечно, эти бюллетени были сожжены, но было принято решение покончить со скрытой крамолой. И вскоре состоялось убийство Кирова, с которого и началась борьба с крамолой. А я продолжал двигаться в своем направлении, не замечая, что страна идет в противоположном направлении.

Когда мне было 17, я заканчивал школу и должен был написать сочинение на тему «Кем быть». Я с первого шага отбросил то, что мне следовало делать, т.е. выбрать свое место в сложившейся системе, что я

буду врачом, инженером, учителем и т.д. Начиналось у меня, я помню, со слов: «В детстве я хотел быть извозчиком, а потом солдатом». А заканчивалось словами: «Я хочу быть самим собой». Естественно, учитель меня отчитал, но я остался при своем и для дальнейшей учебы выбрал Институт истории, философии и литературы. Не потому, что мне нравилась должность преподавателя, в лучшем случае в высшей школе, а потому что это была возможность приобрести более широкое поле культуры, в котором я буду искать и находить какие-то фигуры, характеры, высказывания, которые будут оставлять глубокие следы в моем сознании.

Следует учесть, что в это время было не принято обращаться к Священному писанию. Не то, чтобы я стыдился этого, а просто я усвоил, что это относится к миру фанатизма и можно его вообще не читать. И прошло много времени, пока я обратился и к таким книгам. Таким образом, я искал то, что мне нужно было найти, только в искусстве и прежде всего в литературе, которая была под руками. Но одной литературы мне не хватало, и также я стал обращаться к живописи.

В 1937 г. мне было 19 лет, я помню Музей нового западного искусства, где сейчас находится Академия художеств на Пречистенке (в то время она еще помнила, что она Пречистинка, но уже называлась Кропоткинской). Там было тихо, можно было стоять часами около какой-нибудь картины, вглядываясь в нее, и сперва я понимал только Ренуара. Потом, вглядевшись в игру цветов в картинах, изображавших ренуаровских красавиц, я почувствовал интерес и к Клоду Моне, вскоре он стал для меня главным в этом музее. Потом я переходил уже дальше и научился созерцать всех остальных импрессионистов и постимпрессионистов.

Кстати, мне это потом очень пригодилось – я научился, всматриваясь, находить сквозь своеобразный художественный язык то

духовное содержание, которое художник пытался высказать. Я потом нашел путь и к искусствам, которые до этого были вне поля моего внимания. Так я мог подойти к дальневосточной живописи «Гор и вод», которые потом назвал «иконами тумана». Так я подошел к иконе, которая тоже не похожа на ту живопись, к которой я привык. Так же я подошел и к абстрактной живописи.

Но прежде всего в 1937 г. Музей новой западной живописи был чем-то вроде храма, где я каждую неделю проводил часы, отмываясь от того потока грязи, который лился на меня на комсомольских собраниях, занятых исключительно одним вопросом – притупление и потеря политической бдительности. Причем, как в племенном обществе, тут было всего два варианта решения: или притупление, или потеря. Если вы имели наглость родиться в семье всего-навсего бухгалтера, которого арестовали, то тогда вы притупили политическую бдительность. А если вы родились в семье значительного лица, который полетел с самого верха в самый низ, тогда вы бдительность потеряли. Все это было довольно гнусно, и в Музее новой западной живописи, созерцая чаек в тумане или скалы на берегу моря, я возвращался к самому себе.

Проблема самостоятельного выбора пути в России стала массовой где-то в середине XIX в., и тогда Тургенев написал свою статью «Гамлеты и Дон-Кихоты». Гамлеты и Дон-Кихоты противопоставлялись друг другу, как два совершенно различных типа. Но дальше, вдумываясь в характеры, с которыми я встречался в очередном воплощении русского интеллигента, я пришел к выводу, что это скорее два полюса, к которым стремилось развитие человека, направленное не к прагматическому решению, навязанному временем, а к чему-то более глубокому. И тот в одном и том же искателе могли сталкиваться сомнения Гамлета и отчаянная решимость Дон-Кихота.

Уже в 60-е годы, как-то возвращаясь после посещения П.Г.Григоренко, с которым я дружил, с его квартиры около Николы Хамовнического (там сейчас, кажется, Комсомольский проспект), я подумал, что Петр Григорьевич стремится понять, чтобы действовать, а я иногда действую, иду не некоторые рискованные эксперименты, например, печатаю какую-нибудь статью за рубежом и т.д., чтобы посмотреть, какой будет результат, чтобы понять, что происходит, как откликнется на это общество. И сейчас я рассматриваю Гамлета и Дон-Кихота скорее как два полюса, которые борются в одной и той же душе интеллигента, вышедшего из толпы и пытающегося найти какие-то твердые основы своего индивидуального бытия. А прагматики идут другим путем. Они не вглядываются в душу, они действуют в меру возможного и колеблются между принципиальностью и беспринципностью.

Но так или иначе всякая личность начинается тогда, когда чувствуешь потребность выйти из толпы и ищешь какие-то твердые основания своего личного бытия, твердый стержень, твердую основу. И постепенно находишь пути, которые могут к этому привести. Сперва я пытался расположить эти пути в хронологическом порядке, но увидел, что не получается. Потому что в те же 16 лет, когда я уже начинал искать твердых опор для жизни вне толпы, я был смущен, как это ни смешно, тангенсоидой.

Я должен был читать какой-то раздел в учебнике по тригонометрии, и вдруг я пережил, как сейчас говорят, экзистенциально, то, что тангенсоида ныряет в бесконечность и преспокойно из нее выныривает, так же, как пловец сиганул с вышки, погрузился в воду и потом выплыл, отфыркиваясь, на поверхность. Я вдруг самого себя почувствовал падающим в эту бесконечность и не уверенным, сумею ли выбраться из нее обратно. Тут же пришло соображение, связанное с математикой, что всякое конечное число, деленное на бесконечность, есть ноль. И так как

вся история Земли, прожитая человеческим родом, в том числе последнее тысячелетие со всем блеском достижений в области культуры – это какое-то конечное число, и пред лицом бесконечности пространства, времени и материи оно становится чем-то вроде нуля.

Ужас охватил меня так сильно, что я решил отодвинуть все это в сторону и заняться этим позже, когда мой ум окрепнет и будет готов для решения таких вопросов. Потом, разговаривая с людьми, были ли у них такие чувства в юности, то иногда они отвечали: «Да, в юности были, но потом это было отодвинуто в сторону». Т.е. подавляющее большинство людей не решилось дальше уходить в эти вопросы. Для них оказался закрытым этот путь к внутренней опоре. А я к нему вернулся в 20 лет. Но прежде я продолжал путь прекрасного, т.е. путь поиска образцов в художественной литературе, живописи, наконец, в музыке. Путь в музыке оказался для меня самым трудным, потому что в детстве мне его никто не показал, и первым моим музыкальным впечатлением, потрясшим меня, была игра на фортепьяно белогвардейского полковника в фильме «Чапаев». На волне эмоционального возбуждения, вызванного фильмом, я как-то сумел пять минут подряд слушать серьезную музыку, не отрываясь, и как-то всю почувствовать. После этого я несколько раз приступал к симфонической музыке и моментально терял нить. Пришлось пробираться поближе к великой музыке через оперы, выступления таких певцов, как Доливо, Пантофель-Нечецкая, до сих пор помню «Ирландскую застольную», которую Доливо пел: «Миледи Смерть, мы просим вас за дверью обождать. Сейчас нам будет Бетси петь и Дженни танцевать»...

И как это ни странно, но постижение музыки завершилось у меня в лагере. Там меня сперва потрясли белые ночи, и все лето я по вечерам, когда заканчивалась работа, был счастлив, бродя между бараками до 12, когда все ложились спать, хотя в 6 часов надо было вставать, а я не отрывался от северного неба с белыми ночами. Но кончилось лето, не

было больше белых ночей, и большую часть суток накрыла тьма. И тут единственным просветом была музыка, которую тогда часто передавали по радио. Тогда пропагандировали Чайковского, и довольно часто давали его симфонии. И при морозе 35°С по зоне, где все сидели в бараках и никто не высовывался после рабочего дня на улицу, два меломана (один из них я, фамилию другого не помню) бродили между бараками и так прослушивали целую симфонию с начала до конца.

Вот так произошел мой прорыв к серьезной музыке. И потом уже было легко двигаться дальше, от Чайковского переходить к Моцарту, к Баху. И сейчас в моей жизни, я бы сказал, музыка играет такую же роль, которую в мои 19 лет играл Музей новой западной живописи после проработочных собраний. От всего, что утомляет, что вызывает досаду и отвращение, можно было уйти, углубиться в хорошо темперированный клавир или фугу, или в моцартовские концерты.

Таким был в беглом перечне мой первый путь – путь углубления в красоту. А второй путь – путь погружения в ужасное, в проклятые вопросы¹. Вернули меня к проклятым вопросам русские писатели второй половины XIX в.: Тютчев, Толстой, Достоевский. Толстой, если вы внимательно читали «Анну Каренину» (это не только его герой Левин, это сам Толстой), прячет от себя веревку, чтобы не повеситься, и ружье, чтобы не застрелиться, от сознания ничтожества человека перед материальным миром, в котором возникнет пузырек-организм, подержится и лопнет. А также у него есть рассказ «Записки сумасшедшего» (не путать с гоголевским!), где он передавал свое чувство страха смерти, пережитого в Арзамасе. В кругу его близких друзей этот эпизод назывался «Арзамасский страх».

¹ Так их назвал Генрих Гейне.

У Достоевского бросаются в глаза вопросы Иова. Возражения друзей Иова сведены к нулю: почему страдают дети? Какие у них грехи? Но есть и ужас материальной бесконечности. Он передан в разговоре перед картиной Ганса Гольбейна «Снятие с креста», в романе «Идиот». Также у Достоевского он приобретает некий особый поворот через Руссо и Бальзака. Дело в том, что если вообще человеческий мир – песчинка в бесконечности, то и нравственные вопросы, имеющие значение для человека на земле, может быть, теряют для него всякий смысл, если взять и перенести его на какую-нибудь планету, которая вертится не вокруг Солнца, а вокруг Сириуса. Этот вопрос, поставленный сперва Руссо, затем повторенный в романе Бальзака «Отец Горио», был потом повторен в романе «Преступление и наказание». Сохранится ли у человека муки совести от того, что он натворил на Земле, если вдруг он окажется отделенным от Земли бесконечным пространством? Этот круг вопросов начался с Паскаля и они могут быть названы паскалевскими, а в России пошли от Тютчева. В прозе эти сцены легко терялись, и можно прочесть Толстого и даже не заметить этих мест. Ну, какое-то странное умонастроение в Левина было, проскóчите место про его желание повеситься или застрелиться от материализма. А вот в стихах Тютчева все это вылезает на первый план. Но Тютчев не мог взять эти проклятые вопросы штурмом, он все время колебался между сознанием ужаса и порывом выхода из этого ужаса. Например, стихотворение «По дороге во Вщиж»:

Природа знать не знает о былом,
 Ей чужды наши призрачные годы.
 И перед ней мы смутно сознаем
 Себя самих – лишь грезой природы.
 Поочередно всех своих детей,
 Свершающих свой подвиг бесполезный,
 Она равно приветствует своей
 Всепоглощающей и миротворной бездной.

Или в другом стихотворении, более коротком:

Природа – сфинкс. И тем она верней
 Своим искусом губит человека,
 Что, может статься, никакой от века
 Загадки нет и не было у ней.

И тут же у него можно найти противоположное стихотворение.

Не то, что мните вы, природа:
 Не слепок, не бездушный лик –
 В ней есть душа, в ней есть свобода,
 В ней есть любовь, в ней есть язык...

То и другое чередуется в стихотворении: «Проблеск»:

Слыхали ли в сумраке глубоком
 Воздушной арфы легкий звон,
 Когда полночь, ненароком,
 Дремавших струн встревожит сон?..

То потрясающие звуки,
 То замирающие вдруг...
 Как бы последний ропот муки,
 В них отозвавшийся, потух! <...>

О, как тогда с земного круга
Душой к бессмертному летим!
Минувшее, как призрак друга,
Прижать к груди своей хотим.

Как верим верою живою,
Как сердцу радостно, светло!
Как бы эфирною струею
По жилам небо протекло!

Но, ах! не нам его судили;
Мы в небе скоро устаем, –
И не дано ничтожной пыли
Дышать божественным огнем. <...>

Эта усталость от взлета его настигает всегда, и в конце концов его влечет и одновременно отталкивает чувство провала в бесконечность.

О чем ты воешь, ветер ночной?
О чем так сетуешь безумно?
Что значит странный голос твой,
То глухо жалобный, то шумно?
Понятным сердцу языком
Твердишь о непонятной муке –
И роешь и взрываешь в нем
Порой неистовые звуки!..

О! страшных песен сих не пой.
 Про древний хаос, про родимый!
 Как жадно мир души ночной
 Внимает повести любимой!
 Из смертной рвется он груди,
 Он с беспредельным жаждет слиться!..
 О! бурь заснувших не буди –
 Под ними хаос шевелится!..

На языке Майстера Экхарта, которого я впоследствии прочел, это может быть названо хирением души, которая не решается пойти на скоропостижную смерть своего эго, того, что на библейском языке может быть ветхим Адамом в противоположность новому. В проповеди Майстера Экхарта на тему «ибо сильна, как смерть, любовь» противостоят две возможности: или мистической смерти скоропостижной, после которой ты рождаешься в озарении от того, что ты постиг что-то, что сильнее смерти, или всю жизнь хиреть, не решаясь на штурм этой загадки.

И упиваясь этими стихами, я в конце концов решил пойти на штурм. Я не знал, что собираюсь заниматься медитацией, самого этого слова я не знал, и я не знал, что то, что я придумаю как тему медитации, можно сравнить с дзэнскими коанами, т.е. загадками, не допускающими рациональной разгадки и толкающими человека на переход от «помраченного ума» к «уму просветленному» (так это называется на буддийском языке).

Я придумал следующую загадку. Если бесконечность есть, то меня нет, а если я есть, то бесконечности нет. Т.е. тот взгляд на бесконечность пространства, времени и материи, который выработала наука, – это одна иллюзия. а на самом деле, можно придти и к какому-нибудь другому взгляду, который даст опору для человеческого достоинства и смысл человеческой жизни.

Я три месяца непрерывно ворочал в своей голове эту, условно говоря, загадку. И, наконец, я пришел к тому, к чему стремился, хотя мне было не совсем ясно, к чему именно я стремлюсь. В каком-то проблеске внутреннего света, не слишком ярком. В последствии я с интересом читал о подобных вспышках у других. У Шмемана, между прочим, была подобная вспышка от солнечного зайчика от автомобильного стекла, вы можете найти это в его дневниках на страницах 24-25. И потом он всю жизнь вспоминал, что он тогда пережил. Такое озарение иногда действительно приходит по ассоциации с ослепительным физическим ощущением яркого света, у Шмемана было так. А может придти и без этого. У меня внешнего толчка не было. Но в этом озарении я мгновенно увидел два возможных решения, поддерживающих смысл человеческих усилий. Не буду это пересказывать, потому что когда я рассказал их моей приятельнице Агнессе Кун, с которой я дружил, она сказала: «первое – это объективный идеализм, а второе – субъективный идеализм». Т.е. ничего нового я, конечно, не придумал. И вообще, когда я впоследствии познакомился с большой совокупностью текстов буддизма-дзэн, я понял, что придавать чрезмерное значение словам, которые приходят вам в момент озарения, не следует, потому что в словах тут ничего решить нельзя. На самом деле, то, что вы ищите – это все более и более глубокие озарения – до того, пока вы не придете к такому взгляду, что одновременно видите и раздробленность мира и его единство и полностью выходите из этого проклятого вопроса страха бесконечности.

Борис Долгин: Ваша речь полна моментами, к которым хочется поставить какую-нибудь сноску. Например, Петр Григоренко – известный диссидент левых убеждений. Протоирей Александр Шмеман – известный богослов и т.д. Наверно, имеет смысл это как-то вводить.

Померанц: Протоирей Александр Шмеман – умерший, если не ошибаюсь, в 1968 г., автор ряда дневников, найденных после его смерти,

которые не так давно были опубликованы. Сейчас вышло второе издание, вы можете с ними познакомиться. Чрезвычайно интересный текст и чрезвычайно свободно написанный. Будучи протоиереем и видным деятелем зарубежной церкви...

Долгин: И специалистом по литургическому богословию, если я правильно понимаю.

Померанц: Да. Эта фраза, которую он там бросает, с трудом укладывается в консервативное религиозное сознание, и наши консерваторы уже называли его Смердяковым от православия. На самом деле, его дневники – это блестящее создание человеческого ума, где вы живете в мире творческого переживания вопросов, оставшихся до сих пор не решенными в мировом религиозном сознании. В частности он описывает вспышку света. Я потом, если хотите, прочитаю, я выписал эти страницы. Но это чувство озарения может возникнуть и ночью, под влиянием любого другого случая. Этот путь – поиски озарения – в котором человек как бы выходит к некому внутреннему свету, озаряющему все его проблемы, в основном был испробован еще в 1-м тыс. до н.э. в разных вариантах. Например, в книге Иова это проклятый вопрос о том, что всякая тварь страдает, и избежать этого совершенно невозможно, и вся жизнь человека переполнена страданием. В варианте будущего Будды вводится еще вопрос о смертности, о том, что всякий человек обречен на смерть, он исчезнет, его больше не будет. И буддисты ищут выход из сансары, из «мира рождения и смерти». С древних пор неотступное погружение в этот вопрос вызывало вспышку некоего внутреннего света. В книге Иова в соответствии с стилистикой древнееврейской веры, где всякой вопрос решался обращением к Богу, неотступный вопрос Иова вызывает ответ Бога, который не отвечает прямо, почему человек страдает, но он просто подымает Иова на уровень своего божественного взгляда, он возносит

самого человека над землей со всеми его вопросами и снимает бессмысленность отдельного человеческого страдания.

А в Индии в это же время это решалось в плане единства Атмана и Брахмана, единства человеческой души и мировой души. При этом слова «Бог» в этих поисках в древнейшее время не употреблялось, потому что брахманы, которые единственные занимались такими проблемами, не подпуская к ним простой народ, считали, что только они могут подняться выше того, что называлось на санскрите «дева» (бог). Там другая структура святынь, и высшая святыня в брахманском ощущении была по ту сторону вопроса о существовании Бога. Истина для них в тождестве Атмана и Брахмана. Мирового сознания и мирового бытия, достигнутого в глубоком сердце.

И в древнейших философско-религиозных трактатах, «Упанишадах», вопрос иногда решался тем, что на все попытки словесно определить точку, на которой человек становится выше всех этих проклятых вопросов, он получает просто отрицательный ответ, потому что словами здесь ничего сказать нельзя. Словами дается направление к решению, а затем отрицаются все возможности словесно выразить, и в конце концов вы переживаете что-то, что выразить невозможно, но вы это сердцем чувствуете. В Брихадарньяке-упанишаде Яджнявалкья на все попытки ответа говорит: «Не это, не это!» На санскрите: «Нáйти! Нáйти! В другой упанишаде, Чхандогье, брахман Уддалака Арунья поучает своего сына, и каждый раздел поучения кончается словами: «И то – это ты!» Т.е. ты найдешь ответ в своем собственном сердце. На языке христианства это довольно близко к выражению, что царство Божие внутри нас. Но в брахманской традиции никакого царства Божия не было, а был просто выход за рамки двойственности, приход к сознанию недвойственности Бога и человека, бытия и небытия и т.д.

Насколько я понял все эти исторические традиции, важным была не столько форма проклятого вопроса, о месте человека в бесконечности, о страдании или о смерти, а неотступность пребывания в поле этого проклятого вопроса, до тех пор, пока неотступность вопроса не вызовет в варианте Иова у Бога ответ, в варианте индийских Упанишад – ответ из глубины вашего сознания, связанный с чувством света и радости.

Однако некоторые люди рождались с сознанием, которое приходило к такому созерцанию недвойственности без внешних толчков, а они прямо с детства временами впадали в состояние экстаза, в котором они блаженно чувствовали единство и красоту всего бытия. Например, из живших сравнительно недавно людей – Джидду Кришнамурти, умерший в 1985 г., который, по-видимому, с детства обладал этой особенностью. Его разыскивали теософы, пытались его использовать как нового мессию. Но когда он из мальчика стал взрослым человеком, он отбросил всякую религиозную терминологию. И тем не менее, он был явным типом, скажем, древнего брахмана, достигшего недвойственности. Он пытался, однако, все это выразить простым английским языком, который он усвоил, когда его пригрели теософы. Пытался выразить без всякой специальной индийской терминологии, в своеобразном сплаве английского языка и индийского мышления.

Тоже очень интересный пример прирожденной способности созерцать то, что дает человеку чувство внутреннего света и блаженства, была некая женщина по имени Раббия. Она жила в мусульманском мире, где женщин не слишком уважают. Была рабыней-танцовщицей, иногда по требованию хозяев была вынуждена разделить ложе с посетителями. Об этом свидетельствует двустишие, которое сохранилось от нее: «Всем нужно мое тело, никому не нужна моя душа». Когда ее заметили и стали относиться, как к учительнице, ее спрашивали: «Что ты думаешь о дьяволе?» Она отвечала: «Я не думаю о дьяволе, я думаю о Боге». Другой

замечательный диалог, который тоже остался в памяти людей. «Что ты видела в раю?» Ведь когда она выходила из состояния экстаза, это было видно по лицу и по всему. Она отвечала: «Когда приходят в дом, смотрят на хозяина, а не на утварь». Эти замечательные фразы как-то остались в памяти суфиев. Она, несомненно, была одной из первых святых суфизма, которые вышли из ортодоксального ислама и тоже пытались достичь состояния недвойственности. Хотя это резко противоречило исламу и часто вызывало преследования и казни.

Третий путь, который, по-моему, гораздо доступнее для человека – это путь любви к человеку, который пережил озарение и несет в себе след этого озарения. В общем, по этому пути в конечном счете пошли все массовые религии. И в той же Индии большинство индийцев не читают упанишады, а верят в Кришну или в другое воплощение. И в этой вере они через человеческий образ Кришны получают отблеск того света, который дает масштаб для оценки всего, что человек может достичь, дает масштаб для подхода к высшим духовным достижениям.

Я не присматриваюсь к официальным оценкам, они в разных традициях разные, кто именно этого достиг. Я на глазок просто угадывал, опираясь на свой скромный опыт, что прорыв сквозь проклятые вопросы был у Томаса Мертон, одного из самых замечательных мистиков в католическом мире XX в., в Антонии Сурожском, самом замечательном в православной церкви и т.д., и во многих людях совсем не замечательных. Просто на глазок при встрече с ними чувствуешь, что они пережили что-то, дающее какое-то высшее знание, становящееся опорой души в мире грязи, цинизма, в мире преступлений, и эти знания не дают человеку соблазниться дешевыми приманками.

Для меня такой встречей была встреча с З.А.Миркиной, которая впоследствии стала моей женой. Меня потрясло при первой же встрече с ней ее стихотворение:

Бог кричал. В воздухе плыли
 Звуки страшней, чем в тяжелом сне.
 Бога ударили по тонкой жиле,
 По руке или даже по глазу – по мне.

.....

Он выл с искаженным от боли ликом,
 В муке смертельной сник.
 Как нам услышать за нашим криком
 Бога живого крик?

Нет. Он не миф и не житель эфира. –
 Явный, как вал, как гром, –
 Вечно стучащее сердце мира,
 То, что живет – во всем.

Он всемогущ. Он болезнь оборет, –
 Вызволит из огня
 Душу мою, или, взыв от боли,
 Он отсечет меня.

Пусть. Лишь бы Сам, лишь бы смысл Вселенной
 Бредя, не сник в жару.
 Нет! Никогда не умрет Нетленный.
 Я за Него умру.

Вот эти и подобные стихотворения сразу мне показали, что ее чувство озарения было глубже моего, и мне можно у нее учиться созерцанию. Я действительно у нее многому научился, одновременно помогая ей жить. Пока мы примерно год жили вместе, я присматривался,

как она созерцает природу до того, что чувствует в ней какой-то, как она выражалась, божий след, и у меня начались порывы вдохновения, которые длятся до сих пор. Начался бесконечный ряд моих эссе. В 1962 г. в Рублевском лесу, при блестящем зимнем свете, озаряющем вершины сосен, морозный прекрасный зимний лес, у меня складывались какие-то куски моего первого эссе «Две модели познания». И дальше они начали приходить один за другим, и я по мере сил пытаюсь передать свои ощущения, показать возможность этого, доступную, по-моему, каждому человеку.

Таким образом я нечаянно ступил на третий из путей, т.е. следование человеку, который пережил более глубокое озарение, чем я, и становится символом глубокой истины. На этом, кстати, построены многие религии. Вот и все.

Обсуждение

Долгин: А если все же посмотреть на человека, живущего в более обычных обстоятельствах, рядом с которым нет таких людей, или который не нашел в литературе, в истории таких образцов, которые бы не просто воспринимались, как нечто абстрактно хорошее, но которые бы действительно служили для него внутренним мерилom его собственных поступков. Где вы видите основы для утверждения личности такого современного человека нашего общества. Некоторые из таких людей уже, может быть, отчасти религиозны, но это очень редко кардинально влияет на их поведение.

Померанц: Я думаю, что в каждом культурном кругу имеется такой образ и даже несколько таких образов, которые зафиксированы в религиозной традиции. Я описывал свой путь, который я прошел в то время, когда к этим текстам не обращались. Сейчас уже принято к этим текстам обращаться, внимательно читать Евангелие. И для тех, кто

вчитался в этот текст, вчитался в книги мистиков, которые переживали это, они есть в каждой традиции, он есть и в проповедях и беседах Антония Сурожского, которого я очень люблю читать. Хотя я по вероисповеданию ни к кому не отношусь, и мне безразлично, будет ли это православный Антоний или католик Томас Мертон, но я у них нахожу массу такой глубинной мудрости, которая организует мое сознание. И вовсе не требуется, чтобы человек поднялся на уровень, допустим, даже не Христа, а блаженного, святого. Достаточно вчитываться в довольно доходчивые тексты, которые на эту тему писались последователями. Например, Антоний Сурожский очень доходчиво излагает то, что он понял как суть христианства.

Может быть, не все знают, сам он начал с момента преобразования, который пережил мальчишкой в 15-16 лет. Он был тогда убежденным атеистом, жизнь в эмиграции была ужасной, очень тяжелой, его в школе били, унижали. И он готовился к тому, чтобы участвовать в вооруженной организации, которая когда-нибудь свергнет советскую власть. Жил он в Париже, где можно было свободно этим заниматься. И вот к ним пришел проповедник и начал что-то рассказывать, что ему страшно не понравилось, о смирении и т.д. И тогда он, придя домой, решил взять Евангелие и посмотреть, неужели там такая чепуха, какую говорит этот человек. Между прочим, этим человеком был Сергей Булгаков. Чтобы не читать слишком долго, Андрей (он тогда был Андреем, это он потом стал Антонием), он взял Евангелие и посмотрел, которое короче. Самым коротким было Евангелие от Марка. Он решил, что хватит ему и одно прочесть. Начал читать и между первой и третьей главой он пережил присутствие Христа рядом с собой. Оглядывается – ничего нет. Впоследствии, не так давно, уже в последние годы его жизни, к нему привели одного мальчика, который сказал, что видел Христа. Он спросил: «Где ты его видел, здесь, здесь или здесь?», показав вверх, вперед и на

собственную грудь. Мальчик показал на сердце. «Ну, тогда правда ты его видел».

Личный опыт помог Антонию в конце концов отойти от шаблона и найти чрезвычайно простой и доходчивый язык. Например, что такое грех? это потеря контакта с собственной глубиной. В нашей глубине, если всматриваться в нее, мы найдем источник света, хотя, может быть, не очень яркий, хотя бы как совесть. Достоевский, например, писал, что совесть – это действие Бога в человеческой душе. Если всматриваться в душу, вы найдете там совесть, а это уже действие внутреннего света. И следовать голосу своей совести – это уже значит вступить на путь к высшему познанию. Это доступно, по-моему, миллионам людей.

Кроме того, конечно, чувство глубины очень развивает в человеке религиозное искусство. Такая музыка, как музыка Баха, такая живопись, как византийские иконы, иконы Андрея Рублева. Если долго их созерцать, это вызывает в вас чувство присутствия у вас того умонастроения, которое было, например, у Андрея Рублева, когда он рисовал своего «Спаса». Когда я сижу 40 минут – час, сижу около одной иконы и всматриваюсь в нее, то я чувствую то, что Рублев хотел передать в «Спасе». Я чувствую в этой иконе нераздельность человека с неким высшим духовным началом. Так что через искусство очень легко это почувствовать. Если вы научитесь понимать это искусство. Это не в попсе, это в высоком искусстве прошлых эпох. И кое в чем нынешнем. Мы можем слушать прелюдии и фуги у Шостаковича, слушать Пярта, Шнитке, Губайдулину и других.

Долгин: То, что заглянуть в свою совесть могут миллионы, хорошо. Но где человеку в его обычной жизни, сталкиваясь с социальной средой, которая может диктовать определенные поступки, где человеку в этой обычной жизни найти основания для того, чтобы не «жить как все»?

Померанц: Видите ли, я не берусь сказать, что каждый человек это найдет. Есть люди, которые выросли, например, в детском доме, где с

самого начала они не видели никакой любви, а видели довольно грубое обращение с собой всяких нянечек и прочих служителей. С этой точки зрения интересно почитать Рубена Гальего, который родился уродом с ДЦП и воспитывался в детском доме. И все же он нашел в себе силы выйти к творческой жизни, он издал две книги, наживая на клавиши одним пальцем, потому что он не мог владеть рукой.

Но эту способность можно развивать, всматриваясь в большое религиозное искусство. Я повторяю, что в течение 15 лет пробивался к большой музыке. Я из литературы почувствовал, что это дает человеку чрезвычайно много, и я терпеливо ходил сперва на оперы и пр., в которых слово помогало что-то понять. И в конце концов, я почувствовал все это. И сейчас для меня эта классическая музыка, которая в общем неотделима от религиозного чувства, присутствует в моей жизни. Причем мне для этого не нужно никакого вероисповедания, никаких обрядов. Но как пособие могут служить и обряды, я ничего против них не имею. Умонастроение, которое они создают, помогают человеку почувствовать у себя примерно в том месте, где индийцы находят чакру сердца, такую точку, которая сразу показывает – фальшь или правда.

Например, когда мне было 18 лет, у нас в стране объявили, что социализм уже построен. А до этого несколько лет говорили, что мы строим фундамент социализма. И вдруг язык пропаганды изменился, и стали говорить, что построен уже и социализм. И мама меня спросила: «Гришенька, неужели, из-за этого, что сейчас всюду мы видим, люди шли на каторгу, на виселицу...» И я ей ответил, как меня учили на лекциях по политэкономии: «Социализм, конечно. У нас же общественная собственность на средства производства». И немедленно почувствовал – это фальшь, без всяких доказательств. Понятие социализма соотносилось у меня с известными абстрактными категориями. А когда мне задали вопрос,

ради этого ли в нашей жизни люди шли на каторгу и на виселицу, то я сразу почувствовал, что сталинская пропаганда – вранье.

Надо присматриваться к этой точке, когда вы вдруг чувствуете, что человек лжет, что человек искренен. Можно, присматриваясь к себе, анализируя себя, постепенно научиться уходить от лжи и приходить к чувству правды. Постоянное обращение к этой точке делает ее все более чувствительной, в том числе – к глубине любви.

Долгин: О наших нынешних временах снова заговорили как о временах «подлых». Вчера на Ходорковских чтениях одна из секций была посвящена вопросу соотношения политики и морали, и действительно время отмечено необходимостью постоянного сложного выбора. Например, показывать в театре большие проблемы или подписать письмо, например, против Ходорковского. Такого рода вопросы снова возникают перед очень многими людьми. Может быть, не в таком масштабе, а в каком-то другом. Видите ли вы в том, о чем говорили, основания для того, чтобы люди определялись со своим выбором?

Померанц: Безусловно, да. Для меня нет никакого сомнения, что дело Ходорковского липовое. Хотя я не юрист, но это просто видно. И я с волнением ждал, чем закончится голодовка Ходорковского. Это просто видно, когда у человека развивается, если грубо говорить, совесть и понимание того, что люди делают по совести, а что люди делают против совести. Развилось это у меня в советское время, и неслучайно я попал в лагерь, и там я додумывал то, что не успел додумать на воле.

Григорий Чудновский: Как я уловил, действительно прав Борис, у вас концепт психологичен и онтологичен. И я бы даже добавил, что сугубо субъективен, поскольку вы значительную часть своей жизни изложили прямо здесь в течение часа, реперные, поворотные точки. И разъяснили, по крайней мере, мне, но думаю, что и всем присутствующим, что двигало вами в разные моменты. И я уловил, что первичное, что было в вашей

онтологии – это желание отделить себя от толпы. Может быть, потому что у вас не два метра роста, не очень большие бицепсы, и таким образом вы, естественно, попытались сделать границу между толпой с отсутствующей структурой и собой. И поскольку вы были природой награждены талантом, вы двигались в этом направлении. И как я понял, вы изложили ту часть траектории в вашем жизненном опыте, которая формирует эту личность, внутреннюю, даже изолированную от толпы, но как мне показалось, не противопоставляющую себя толпе.

Померанц: Нет, противопоставления у меня нет, я просто иду своим собственным путем.

Чудновский: Да, я это и подчеркиваю, что вы выбрали такую стезю, где нет противопоставлений, но в жизни повезло, что вы и внутренним талантом, и обстоятельствами, несмотря на лагерь, сумели реализовать эту траекторию. Теперь я хочу подойти к вопросу. К развитию тезиса Бориса по Ходорковским чтениям, но у меня с еще другим уклоном, может быть, вы над этим размышляли. Что такое вообще проблема личности под названием «Иуда»? Это же тоже некоторая личность. Вроде бы, он шел с Христом (я говорю «вроде», потому что не до конца понимаю эти тонкости), а потом оказался Иудой. Не могли бы вы рассказать об умирании личности. О развитии вы мне разъяснили, как можно двигаться – через музыку, через прекрасную литературу, через погружение в ужасы, противоположные счастью, и там вы находили все инсайты и открытия. А что такое Иуда, как смерть личности? Это как в онтологии субъективной личности. А потом, что такое Иуда, как публичная личность. Сегодня есть такое слово – прогибание, когда солидные люди, вроде бы уважаемые и вроде бы точно являющиеся личностями, начинают рисовать фильмы с двумя пятерками. Мне не очень понятен такой характер личности. Есть ли у вас какие-то суждения о такой частично публичной личности, не совсем углубленной в себя.

Померанц: Да, действительно. Я, например, пропустил такой эпизод моей жизни. Я комсомолец, очередное заседание о потере бдительности. В данном случае Агнесса Кун потеряла бдительность сразу в отношениях с отцом, матерью и мужем, которого она полюбила в 12 лет, вышла за него в 16. Когда он был оторван от нее арестом, ей было 22. Она училась на одном курсе со мной, и я к ней никогда не подходил, потому что я находил, что она очень гордо держится. В данном случае она была на лобном месте, и мне очень понравилось, как она держится. Так обычно люди не умели держаться. Обычно держались растерянно, а она очень уверенно, в рамках коммунистической морали. Ну, семья была сугубо коммунистическая, отец Кун – вождь венгерской революции, а потом палач Крыма (но она этого не знала). А муж – Антал Гидаш, венгерский писатель. И я был готов поддержать ее подруг, которые на бюро заняли неправильную, как нам объяснили, позицию, стали ее защищать и требовали ограничиться выговором. Другого варианта не было: или выговор, или исключение. То, что человек совсем не виноват в том, что родился у «неподходящих» родителей, вообще не было. Благоприятным вариантом был выговор. Но они за ночь передумали и отказались от своей «неправильной» позиции. Я, уже готовый поднять руку, чтобы поддержать их, опустил. Я с ней ни о чем не разговаривал, совершенно не знал. Но когда мы уходили, я вслух сказал: «Я с бóльшим удовольствием голосовал бы за избрание ее в члены Комитета комсомола», и один молодой человек, который меня слышал, посмотрел на меня (я знал его еще в школе) и сказал: «Смотри, за такие мнения можешь попасть». Я тогда сказал: «Лучше три года сидеть, чем всю жизнь дрожать». Помню этот эпизод своей жизни.

Но встал я на дорогу к лагерю значительно позже, после того, как я на 4-м курсе написал курсовую работу «Величайший русский писатель» – о Достоевском, которого тогда было принято ругать. И так как профессор,

который вел семинар, противопоставлял мне Горького, Ленина, то я написал, что ни Горький, ни Ленин Достоевского просто не понимали. Мне повезло, что это было не в 1938 г., пока я писал, уже наступил 1939 г. Был короткий период отдыха от террора, и компетентные органы ограничились тем, что за мной стали записывать мои высказывания. Но так и не посадили, посадили позже, и мне предъявляли из папки с надписью «Хранить вечно». И в итоге я до сих пор даже не кандидат наук и так и умру, как Пу Сунлин, который до 80 с лишним лет сдавал экзамены, чтобы стать государственным чиновником, но так и не сдал их, потому что оценки рассчитывались по блату, но он остался в литературе.

Конечно, путь, по которому ты идешь, по пути совести, не обещает никаких жизненных благ, И я не знаю, что делать людям в театре, в публичном учреждении. Как правило, находились какие-то компромиссы, формулы, чтобы показать, грубо говоря, кукиш в кармане. Но при чувствительности публики к кукишу в кармане это было тем, в чем мы все-таки находили свое пропитание, когда ходили в театры в советское время. Я думаю, что и сейчас можно найти. И сейчас есть вещи, которые содержат, в основном, правду. Два фильма Достая, «Штафбат» и «Завещание Ленина», вызывают у меня восхищение. Я знаю фронт, и, конечно, в деталях «Штрафбат» отстает от правдоподобия. Но в результате факты так сгруппированы, что возникает правдивое впечатление об ужасах прошедшей войны, через которую я сам прошел и хорошо знаю. Мне этот фильм очень понравился. И Колыма, и путь Шаламова через легкую оппозиционность в институте, а потом через страшные испытания на Колыме тоже показаны с большой силой. Так что пока еще есть некоторая возможность идти по пути правды, по пути совести. Что будет дальше, не знаю. Может быть, потребуются и жертвы. Может быть потребуются то, на что средний человек не решится, а кто-то, может быть, и решится.

Долгин: Если я правильно понял Григория Соломоновича, в том числе имелся в виду такой вопрос: вы описали процесс рождения, становления личности, а коков механизм умирания личности?

Померанц: Об этом можно лучше прочитать у Галича. Галич в своих песнях сплошь и рядом описывает омертвление личности. Я в этот процесс никогда не мог полностью углубиться. Мне трудно понять, как человек предпочитает какие-то побрякушки, грубо говоря, той радости, которую испытываешь, когда твоя душа свободна. Я большую часть своей жизни прожил в 7-метровой комнате, если не считать войны и лагеря, в щели между кухней и уборной в коммунальной квартире. И я нашел истинную любовь, и был совершенно счастлив. Я, хотя я получал зарплату 105 рублей, зарплата младшего научного сотрудника без степени, которую мне не дали защитить, да еще я посылал своему пасынку каждый месяц посылку на 10 рублей в воинскую часть, где он служил. Но я был счастлив, хотя очень бедно жил. Я помню, мы как-то на речном трамвае проезжали мимо той части набережной, где были видны особняки Хрущева и прочих членов тогдашней упряжки, и мне показывали и говорили, что каждый дом стоил 60 млн. рублей. Я подумал, что в этом доме за 60 млн. Хрущев никогда не был так счастлив, как я был счастлив в любви².

² Перечитывая текст, я вижу, что подменил вопрос, к которому не был готов, другим. Перебрав свою жизнь, я признаю, что был период, когда я «прогибался». Но не ради званий и наград, а чтобы выжить. Зимой 1942-43 гг. я сдуру вступил в партию, думая, что после войны страх фашизма исчезнет и будет некоторая степень свободы. В 1946 году, добиваясь демобилизации, я написал резкие по тем временам заявления, думая, что мне дадут выговор – и отпустят. Но я не понимал, что наступила другая эпоха, что моя храбрость на войне больше не стоит ни гроша, нужна не храбрость, а холуйство. В моих заявлениях прорвалась совершенная неспособность на холуйство. Меня вызвали, – и отобрали партбилет «за антипартийные заявления». С этим волчьим билетом демобилизовали. И демобилизация стала адом. Я нигде не мог устроиться. Меня все убеждали, что я должен апеллировать, а я понял уже, что исключили

Короткий (преподаватель): Спасибо за лекцию. Были интересные моменты, но мне хочется задать критический вопрос. Если вы говорите о пути становления, пути формирования личности, и на этом пути о слушании своей совести, своего сердца, своего чувства правды и о вере в свою внутреннюю правду, то мне странно смотреть на вас. Вы убежденный сединой человек, и не почувствовали на своем жизненном пути, что на каком-то моменте ты начинаешь ощущать религиозную ложь и религиозную фальшь. Я не отвергаю религию полностью, но к ней можно подойти своеобразно диалектически, в ней есть огромная доля лжи, дешевого утешения униженным и оскорбленным людям, обещание им: «Терпите, терпите, вас унижают, терпите, вы за это получите». Когда я был ребенком, в детстве и юности я писал такие же стихи, даже использовал точно такой же образный ряд, как и Миркина, которую вы процитировали. Но на своем жизненном пути, на каком-то этапе я почувствовал глубокую ложь, даже отвратительную ложь, гадливость, религиозную низость и гадость религии. И мне странно, что вы на вашем пути не почувствовали этого. И когда вы говорите о религиозных путях, что это высший путь развития личности, и именно путь. Можно сказать, что идя дальше, можно пройти религию в своей жизни и понять ее ложь. Мой вопрос, не почувствовали ли вы это?

правильно, неправильный поступок я совершил раньше, на фронте, вступив в эту партию, и теперь мне надо лгать, фальшивить, потому что все знакомые и родственники уверяли меня, что лагерь – это сплошной кошмар и надо пойти на все, чтобы не попасть в лагерь. И я лгал и фальшивил в своих заявлениях, я подчинился толпе, я впитывал в себя страх толпы и разрушал свою личность. Наконец, друг мне рассказал, что его спрашивали о моих антисоветских взглядах. Трудно поверить, но я воспрял духом. Я достал из угла старую шинель, пошел в мастерскую – пришить крепкие карманы, купил футляр для зубной щетки. Вместо ряда мелких унижений – большой риск. Как на войне. И стал готовиться, как на войну. Когда за мной пришли, я стал со вкусом есть яблоко.

Померанц: Можно задать вам встречный вопрос? Не читали ли вы дневников Шмемана?

Короткий: Я много слушал лекций Шмемана...

Померанц: Не лекций, я говорю о дневниках.

Короткий: И дневники слушал. Его дневники читали на религиозном радио «София».

Померанц: Дело в том, что фальшь религии протоиерей Шмеман обличает почти на каждой странице своих дневников.

Короткий: Он не договаривает все до последнего.

Долгин: Я подозреваю, что могут быть разные взгляды по поводу религии и религий. Если я правильно понимаю, это был отчасти риторический вопрос, на который основной текст лекции, по-моему, ответил.

Померанц: Мне достаточно прочесть наизусть одну фразу из дневников Шмемана. «В Евангелии все ясно – Бог нужен святым и грешникам. Религиозным людям Бог не нужен, и если можно, они его распинают». Вот основной тон книги Шмемана, который вы, очевидно, недостаточно поняли.

Короткий: Извините, если он дошел до такой мысли, почему же он не стал попом-расстригой, не снял с себя сан. Непонятно, зачем он остался в рамках религиозной структуры, подавляющей и унижающей личность?

Померанц: По-моему, его дневники, если внимательно их прочитать, полностью на этот вопрос отвечают.

Если хотите, я могу прочитать кусочек о том озарении, которое у него было и которое определило весь его путь.

«Я многое могу, сделав усилие памяти, вспомнить; могу восстановить последовательные периоды и т.д. Но интересно было бы знать, почему некоторые вещи (дни, минуты и т.д.) я не вспоминаю, а помню, как если бы они сами жили во мне. При этом важно то, что

обычно это как раз не «замечательные события» и даже вообще не события, а именно какие-то мгновения, впечатления. Они стали как бы самой тканью сознания, постоянной частью моего «я». Я убежден, что это, на глубине, те откровения («эпифании»), те прикосновения, явления иного, которые затем и определяют изнутри «мироощущение». Потом узнаешь, что в эти минуты была дана некая абсолютная радость. Радость ни о чем, радость оттуда, радость Божьего присутствия и прикосновения к душе. И опыт этого прикосновения, этой радости (которую, действительно, «никто не отнимет от нас» (Ин. 16:22), потому что она стала самой глубиной души) потом определяет ход, направление мысли, отношение к жизни и т.д. Например, та Великая Суббота, когда перед тем, как идти в церковь, я вышел на балкон и проезжающий внизу автомобиль ослепляюще сверкнул стеклом, в которое ударило солнце. Все, что я всегда ощущал и узнавал в Великой Субботе, а через нее – в самой сущности христианства, все, что пытался писать об этом, – в сущности всегда внутренняя потребность передать и себе, и другим то, что вспыхнуло, озарило, явилось в то мгновение. Говоря о вечности, говоришь об этом. Вечность – не уничтожение времени, а его абсолютная собранность, цельность, восстановление. Вечная жизнь – это не то, что начинается после временной жизни, а вечное присутствие всего в целостности».

Видите, вся его дальнейшая деятельность основана на одном озарении, которого, извиняюсь, у вас, у моего оппонента, не было. А если бы было, то вы бы понимали, что под коркой массы целых пластов фальши, в символе веры... Я недавно слушал Христова, хороший певец, и он полностью пропел «Символ веры». Какое нагромождение византийских изощрений ума там, где в Евангелии ничего подобного нет. То, что в каждой церкви, в каждом религиозном организме есть масса шлака и пр. – это не устраняет того, что в основе лежало глубокое жизненное потрясение

в начале этого движения, время от времени возникающее вновь у отдельных людей.

Александр Ионов: Григорий Соломонович, я понял, что вы вступали в комсомол. Это было добровольно, это была ваша вера или это так жизненно сложилось?

Померанц: Это было в школе, и я еще недостаточно разобрался во всем, что происходило.

Ионов: Т.е. вы еще не стали личностью.

Померанц: Единственное, что в это время было – это я понимал, что надо стать самим собой. Но это у меня как-то связывалось с тем, что нельзя оставаться коммунистом, не обогатив своего сознания т.д.

Ионов: Но это эпоха действовала, это понятно, юношеское. Я удовлетворен, спасибо. Более широко вопрос стоит так. Ваша родственница сказала: «Мы не то хотели строить и не то построили». Скажите, пожалуйста, как мыслящий человек, как человек чести, сегодня вы можете сказать, что мы сейчас построили то, ради чего вы сидели вместе с другими диссидентами, я преклоняюсь перед ними.

Померанц: Нет, Это совершенно не то. Из огня в полымя. От фанатизма в цинизм.

Ионов: Спасибо большое. Я восхищен вашим мужеством, несмотря на возраст, вашим неравнодушием. И я хотел задать вопрос насчет вашего заявления в «Новой газете». После вашей фразы, что вы были более счастливы, чем Хрущев в своем 60-миллионном доме, вопрос отпадает. Спасибо.

Борис Надеждин: Спасибо за выступление. У меня два вопроса, носящих прикладной характер. Первый вопрос. Любой homo sapiens в принципе способен к такого типа озарениям, либо все-таки есть какие-то ограничения и предпосылки, религиозные, образовательные, культурные,

языковые, национальные. Любой ли homo sapiens в принципе способен к этому пути?

Померанц: Из всех религиозных формул мне ближе всего дзэнская, что для спасения нужна великая вера, великая ревность (в смысле рвение) и великое сомнение в словах Будд и патриархов. Т.е. нужно верить во что-то, что по ту сторону слов, и упорно стремиться разгадать то, что я называю проклятыми вопросами, и придти к этому чувству. Но удастся ли это? Это так же, как большая любовь. Это должна быть не только способность к большой любви, которую я постепенно нажил за первые 35 лет своей жизни, более-менее отмеченных чертами эгоизма и т.д. Надо было совершенно освободиться от эгоизма, чтобы раскрылась способность к большой любви. Но и после этого большая любовь могла не состояться. Ну, не было необходимой встречи. Так же и на духовном пути какие-то обстоятельства помогут вам дойти до озарения, а другим нет. Но тогда остается верить тем людям, которые дошли, и следовать их примеру. Это лучший выход из положения.

Надеждин: Извиняюсь, я немного не об этом спрашивал. То, что вы сказали, понятно, но вопрос был другой. Существует 140 млн. жителей Российской Федерации. Они разные. Сейчас здесь кто-то сидит, слушает вас, а кто-то у стойки заказывает пива. Вопрос был, существует ли какой-то бэкграунд, какие-то предпосылки, образовательные, например?

Померанц: К сожалению, наше образование пока поставлено очень неудовлетворительно. В начале перестройки я опубликовал в каком-то еще полусамиздатном журнальчике статью, в которой пытался доказать, что школа для нас важнее экономики. На нее никто не обратил внимания. Потом я повторил ту же мысль на совещании в мэрии во время каких-то перевыборов президентов. Я снова сказал, что, по-моему, школа для нас важнее экономики, потому что экономика становится неотложной только тогда, когда речь идет о голоде или о выживании, во всех остальных

случаях не хлебом единым сыт человек, а великим Словом. Школа пока этого Слова не дает за исключением отдельных рыцарей духа, которые используют школу для того, чтобы говорить больше, чем положено.

Надеждин: Если можно, еще вопрос. Я зацепился за вашу фразу, что великий Хрущев, большая власть, 60 млн. стоил дом, и у него счастья не было, а тут счастье есть. Предположим, что у вас родился внук или правнук, т.е. не вы, но кто-то очень близкий, и вы можете каким-то образом повлиять на одну из двух траекторий его дальнейшей жизни. Траектория первая – откровения, личность. Траектория вторая – для простоты Хрущев. Что бы вы приняли в отношении этого существа, кто не вы сами, но в чем-то вы.

Померанц: У меня практически такой ситуации не было, потому что не было детей, а следовательно и внуков.

Надеждин: Ну, любимый ученик.

Померанц: Я безусловно считаю, что шел по правильному пути. Я пережил и страшное горе, когда умерла моя первая жена, но потом, хотя я не ожидал, что это может быть второй раз с такой интенсивностью, у меня был и есть очень счастливый союз с Зинаидой Александровной. Я считаю, что я прожил счастливую жизнь, несмотря на то, что эта жизнь скромная, почти бедная. От трудов праведных не наживешь палат каменных – это старая поговорка.

Надеждин: Т.е. близкому вам существу, которое еще никуда не пошло, вы все-таки, исходя из вашей жизни, не советовали бы двигаться в сторону Хрущева и 60 млн.?

Померанц: Да.

Короткий: Вы мне задали вопрос про озарение, я бы хотел ответить. Все-таки озарение тоже бывает разное. Бывают религиозные озарения, а бывают, мне даже тяжело вам желать этого, великие озарения впереди, что вдруг вы понимаете всю эту ложь, всю эту фальшь, «я всю жизнь жил во

лжи», «я всё не докопался»... Это была реплика. И мой вопрос. Я бы не хотел, чтобы моя дочь становилась религиозным человеком. Почему вы все-таки считаете, что человек должен избирать религиозный путь, а не другой путь в жизни, который избирают миллионы людей?

Долгин: А разве тут было сказано о долженствовании?

Короткий: Дидактика была в лекции.

Померанц: Простите, не приписывайте мне того, что я не говорил. Я к религии отношусь очень критически и никому не желаю идти по этому пути.

Короткий: В чем же тогда необходимость в этом духовном начале? Для чего тогда конкретному человеку, который стоит у стойки, всю жизнь искать духовное начало вместо того, чтобы творить просто хорошие дела, помогать людям. Меня очень зацепила ваша фраза про 60 млн. особняка Хрущева. На Рублевке сейчас особняки гораздо дороже. Сейчас несправедливости и гадости в обществе намного больше, чем было.

Померанц: Но я с этим не спору.

Долгин: На самом деле, ответ на этот вопрос уже прозвучал, хотя немного в косвенной форме, поскольку в ответе на мой вопрос, как обеспечить корректный выбор внутри человека, как раз и прозвучала мысль о духовном. Иными словами «почему бы не делать что-то хорошее вместо» нужно переформулировать в «для того, чтобы сделать что-то хорошее, с точки зрения Григория Соломоновича, нужно это духовное начало».

Вопрос из зала: Верно ли я понимаю, точнее эмоциями, что смешение религий по мере формирования личности обогащает человека, и что в одной религии иногда нельзя найти то, что можно найти в другой.

Долгин: Т.е. не смешение, а изучение нескольких?

Вопрос из зала: Не изучение, а именно восприятие разных религий внутри себя.

Померанц: Нет, никакой каши из нескольких религий я не предполагаю. Но я думаю, что нынешняя обстановка, когда одна цивилизация «наезжает» на другую, и идут уже разговоры о войне цивилизаций, самыми необходимыми являются диалог религий и понимание их общего духовного корня при различии их внешних форм выражений, связанных с характером данной цивилизации. Христианский мир, мир ислама, индуистско-буддийский мир Южной Азии и конфуцианско-буддийский мир Дальнего Востока являются совершенно самостоятельными путями, допускающими самые высшие уровни духовного развития, и вовсе не требуется сделать из этого кашу. Но требуется (действительно, требуется) понять, что углубляясь в сущность каждого из этих путей, мы придем к чему-то родственному. Как мы с Зинаидой Александровной написали в нашей книге «Великие религии мира», глубина каждой великой религии ближе к глубине любой другой великой религии, чем к собственной поверхности. На поверхности царствует пошлость, а в глубине царствует истина, и эта истина родственна в разных религиозных путях, если досмотреть их до глубины. Не будем смешивать родственности и тождественности. Все религии родственны в Святом духе, но не тождественны, остаются самими собой, и эта автономность – одно из условий диалога.

Т.е. если рассматривать религию, как организованную систему верований, догм, обрядов и т.д., в ней чрезвычайно много фальши. Настолько много, что мне никогда не хотелось вступить ни в одну из этих организаций, я предпочитал смотреть на них со стороны. Но с другой стороны, я мог дружески общаться с людьми, которые признавали, что для многих людей эта система обрядов, таинств и пр. дает какой-то упрощенный вариант подхода к собственной глубине, все-таки располагает их всмотреться в то, что, скажем, в христианстве называется Царством Божиим внутри нас. Это направление в Царство Божие внутри нас – это на

языке религии высказанное правильное духовное направление. И религия является исторически необходимой формой, но нуждающейся в глубокой реформе. Религиозные догмы, как правило, возникли на другом уровне сознания и науки, и Антоний Сурожский уже искал новый язык. Когда он говорил: «Грех – это потеря контакта с собственной глубиной» – это язык, понятный каждому электротехнику. Так что глубинные истины могут быть высказаны современным простым языком без нагромождения фальши.

Долгин: И, соответственно, никакого религиозного «салата» вы не хотите нарезать.

Померанц: Нет, нет. Нужен диалог. Скажем, в Лондоне в 1994 г. Далай-лама XIV был приглашен комментировать Евангелие. Протоколы были изданы в 1997 г. в Лондоне, называется «The good heart». Это очень интересный диалог. Интересно, что участники этого диалога считали, что больше всего у них чувство единства возникало вначале. Каждый день начинался с того, что зажигались свечи, и полчаса все просто молчали и смотрели на эти свечи, зажженные от одной свечи. А уже потом начинались разговоры. Где начинаются слова, начинается различие слов, спор о словах и т.д.

Долгин: Но при этом у каждого сохраняется своя идентичность.

Померанц: Да.

Вадим Зайцев (студент): Вы рассуждаете о развитии личности, и у меня создалось такое впечатление, что вы противопоставляете развитие личности и простые ценности, те же материальные. Нельзя ли на практике по жизни пройти так, чтобы совместить их, найти золотую середину, чтобы и развивать свою личность, находить духовные аспекты и не забывать о материальном.

Померанц: А я и не призываю забывать. Но просто не ставить это на первое место.

Зайцев: Не ставить, но и личность не возвышать перед простыми материальными вещами.

Померанц: Я считаю, что integrity, целостность личности важнее, чем хорошая обстановка в квартире.

Зайцев: Но и об обстановке все-таки не забывать...

Померанц: Вы знаете, Зинаида Александровна очень любит, чтобы предметы в квартире стояли так, чтобы создавать гармоническое впечатление о нашем жилье. Но мы живем в очень скромной двухкомнатной квартире в хрущевке, и эту скромную квартиру по мере возможности она старается сделать уютной и удобной для жилья. Но на первом месте все-таки стоит духовное развитие личности.

Долгин: Судя по тому, насколько счастливыми себя ощущают люди в очень разных положениях в жизни с разным сознанием т.д., у этих людей заведомо разные иерархии ценностей. И попытаться свести их к одной бессмысленно. Иерархии всегда будут разными, это нормально.

Эдуард Якубов: Если не ошибаюсь, у Раймона Арона есть фраза, что жить по-человечески означает жить идеей личности. Ваш комментарий.

Померанц: Я думаю, что это правильно. В общем, люди, с которыми я общаюсь, все находится на большей или меньшей ступени личностного развития. Тут есть известная иерархия. Я, например, считаю, что в отношении духовного знания Зинаида Александровна прошла дальше, чем я. В отношении понимания истории я лучше разбираюсь. Я разграничиваю наши направления так, что я разговариваю с историей, оглядываясь с надеждой на Бога, а Зина разговаривает с Богом, поглядывая с ужасом на историю. Так что в каком-то варианте у нас есть и то, и другое; и в том кругу, где мы находимся, у большинства примерно сходные вкусы: Бах, Моцарт, Бетховен.

Андрей: Я бы хотел вначале поблагодарить Григория Соломоновича. В данном случае, мне кажется, помимо того, что человек говорит, сама

личность свидетельствует если не о правдивости, то об искренности и реальности того опыта для вас, о котором вы говорите. Вопрос такой. Мы уже более часа говорим о личности. Что же такое личность? Вы не могли бы дать определение хотя бы через какие-нибудь признаки. И почему личность – это благо...

Долгин: Благо по сравнению с чем?

Андрей: По сравнению с безличностным началом. И почему те разные пути, о которых вы говорили, что они в своей глубине сходятся, все-таки по-разному трактовали, если можно так сказать, посмертную судьбу личности. Если в тех же Упанишадах нет после смерти сознания, и оно растворяется в безличном, как соль растворяется в океане, то в том же христианстве мы имеем богообщение, когда личность человека общается с личностью Бога, не растворяясь в нем. Вы говорите, что в глубине все одно, но получается, что не очень. Может быть, мои примеры достаточно частные, можно другие привести.

Померанц: Что мне делать. Мне придется сознаться, что я не знаю, что будет после смерти. Я не знаю. Я думаю, что что-то там будет. Может быть, растворение – это вовсе не такой неприятный процесс. У меня был один сон, который я прекрасно помню. Я плыву в озере света, и я знаю, что до другого берега я не доплыву, но меня охватывает чувство блаженства. Так что можно представить себе и растворение, как высшую цель. А можно себе представить, как перевоплощение. Опыт индийской религии говорит о том, что вера в перевоплощение, вероятно, имеет какие-то основания. Я не знаю, я просто не могу ответить на ваш вопрос. Достаточно чувствовать то, что можно назвать Божьим следом в той жизни, которую мы воспринимаем. Допустим, Зинаида Александровна чувствует Божий след в природе, в некоторых видах искусства, в некоторых людях. А что за этим стоит... Можно назвать это иначе, без

слова Бог, отпечаток духовности и т.д. Это, бесспорно, я чувствую в людях. И я следую этому чувству в своих привязанностях и отторжениях.

Долгин: Если я правильно понимаю, вопрос был чуть-чуть о другом. Не «что же там на самом деле», а «как же так»? Вы говорите, что в глубине они все близки и при этом толкуют многие сюжеты, даже такие частные, принципиально разным образом.

Померанц: Видите ли, что считать важнейшим. Если считать важнейшим определением посмертие, то этот вопрос каждая большая религия решает по-своему. Мусульманский мир считает, что все верующие в Аллаха и Мухаммеда спасутся, что бы они ни натворили. Может, их там посекут, но потом они все-таки спасутся и попадут в рай. Христиане считают, что некоторые попадут в ад. Индийцы считают, что они перевоплотятся, хотя по дороге опять-таки их накажут за дурные поступки, и, может быть, они перевоплотятся в наказание в какую-нибудь противную гадину. Словом, как раз в этом все они расходятся. Но когда я читаю Упанишады, Евангелие, суфийские тексты, дальневосточные дзэнские тексты, я чувствую, что они все насыщены единым духом. Хотя когда пытаешься определить его, выразить в словах и образах, то приходят в голову другие слова и другие образы. Все представления о посмертии основаны на воображении; для меня достоверна только глубина моего сегодняшнего дня. Вечность не после жизни, а внутри жизни. Об этом говорил и Шмеман.

Долгин: Еще часть вопроса прозвучала, как что же такое личность, какие бы вы задали параметры, определение, не определение, может быть, а в семантических оппозициях. Как вам было бы удобно определить, что такое личность, о которой мы говорим.

Померанц: Видите ли, в каждой культуре даются несколько другие определения. В той культуре, к которой мы принадлежим, в личности надо почувствовать образ Божий. Это язык христианской традиции. А,

допустим, в дальневосточной традиции будут другие приметы. Я не могу дать простого определения такому сложному понятию. Я вижу путь, который ведет к формированию личности. Я могу отличить, передо мной личность или безличность, которую пропагандой можно повернуть в любую сторону. Во всяком случае, это человек, который находится в контакте с собственной глубиной.

Долгин: Это уже некоторый элемент определения, потому что речь шла не о том, что это означает в некоторой культуре, а о том, что это значило в рамках нашей лекции.

Наталья Самовер: Задавая свой вопрос, я подозреваю, что на него нет ответа. И тем не менее, когда вы говорите о своем опыте и когда мистики говорят о своем опыте, они всегда основываются на своих личных ощущениях, как на критерий истинности своих переживаний, своего озарения. Но ведь известно, что возможно темное озарение, возможна ложная одержимость. Люди, пережившие это, чрезвычайно убедительны, они ведут за собой так же, как ведут за собой настоящие учителя. Возникает вопрос о верификации собственного ощущения. Почему то, что переживаю я, является светлым озарением? А, может быть, оно является темным? Как их отличить?

Померанц: По плодам узнают это.

Самовер: В тот момент уже поздно. В таком случае получается, что человек не волен над собой: нечто снизошло на меня, и дальше я падаю жертвой этой темноты, потому что я не могу опознать это, как темному, я считаю, что это свет.

Долгин: Иными словами, мы как будто имеем дело с большим по модулю воздействием, но не знаем знака этого воздействия.

Померанц: У Бердяева есть такой термин, «трансубъективное». Это выходящее за рамки субъекта, но проходящее через субъекты, окрашенное его субъективным опытом. Если у вас от Бога не дана (я употребляю

традиционное выражение), может быть от природы, чутье на людей, а есть неразборчивость к людям, неразборчивость к идеям... Например, Раскольников теоретическими рассуждениями пришел к выводу, что можно убить старушку, но это не озарение. Это как раз логика, принципы и наука его привели к тому, что старушек надо убивать. Логика, принципы и наука привели большевиков к идее, что ради великой цели построения коммунизма можно расстреливать миллионы людей и морить в лагерях десятки миллионов. Логика, принципы и своего рода наука – расовая привели гитлеровцев к убеждению, что надо уничтожить евреев и цыган. Не озарение. Я не думаю, чтобы у Ленина было озарение, не было никакого озарения. Было научное убеждение, он считал это наукой.

Долгин: Но вы же согласитесь, что озарения тоже порой приводили к уничтожению людей. Что, не было никаких озарений у тех, кто шел в крестовые походы и т.д.?

Померанц: Скорее это были видения. В средние века люди очень легко видели ангелов, святых и т.п. Они вдохновляли – кого к кому. Жанну д'Арк – освободить Францию. Могли вдохновлять и освободить гроб господень.

Долгин: Там вполне были мистические настроенные люди.

Померанц: Майстер Экхарт к крестовым походам не призывал. Можно ли застраховать человека от ошибок, от ложных озарений, не знаю. Думаю, что в этом смысле помогает доверие к людям, явно излучающим свет, со светлой аурой. Если вы сами такой аурой не обладаете, то лучше доверяться людям, которые такой аурой обладают, и не доверять людям с темной аурой.

Самовер: Другими словами, озарение или ощущение пережитого озарения, истинное или не истинное, не является единственным инструментом. Для того, чтобы верифицировать свое ощущение, необходимы еще дополнительный душевный труд, дополнительная

концентрация внимания и какие-то еще дополнительные усилия, и тогда, может быть, можно скорректировать свое ошибочное ощущение.

Померанц: Я ничего не могу вам ответить на это. Я называю озарением только светлое озарение. Я вообще не считаю озарением какой-то темный морок, темную страсть, которая принимает видимость истинной.

Долгин: Но и строгих критериев различения нет?

Померанц: Строгих критериев я не могу указать. У меня выработалась в ходе жизни вот такая точка вот здесь, примерно в месте чакры сердца, и я мгновенно чувствую фальшь. Я, по-моему, ни разу не делал здесь больших ошибок. Но если у вас этого нет, мне остается пожалеть, ну, нет и нет³.

Короткий: На самом деле, спасибо большое за вашу лекцию. Если возникает столько вопросов, значит, она тронула, и ее интересно слушать. Я вас лучше понял, именно когда вы начали отвечать на вопросы, гораздо

³ В конце дискуссии я несколько устал и не сразу заметил нечеткость в постановке г-жой Самовер вопроса: «возможно темное озарение, темная одержимость». Озарение, о котором я говорил, это не одержимость. Это просто ясное сознание ответа на проклятый вопросы, озаренное внутренним светом. На вопрос Иова, вопрос Будды, вопрос Паскаля. Насколько мне известно, чувство ответа Бога в книге Иова и просветление Будды и то чувство «огня», о котором писал Паскаль в конце жизни, никого к дурным поступкам не вели. Другое дело – видения и одержимость, вызванные видениями. Я знаю случаи, когда они переходили в шизофрению. Есть такой термин среди умалишенных – «голосовики». И есть правило в аскезе: «видения не принимать и не отвергать» (а наблюдать в уме, к чему они ведут). Это и будет «верификацией». То, что ведет к ненависти – от лукавого. Об этом я писал еще в 70-е годы: «Дьявол начинается с пены на губах ангела, вступившего в бой за добро, за истину, за справедливость, и так до гиены огненной и до Колымы. Все рассыпается в прах, и люди, и системы, но вечен дух ненависти в борьбе за правое дело, и благодаря ему зло на земле не имеет конца».

лучше, чем из текста лекции. Поэтому еще раз спасибо за очень четкие ответы. Не часто здесь услышишь четкие ответы на вопросы. Даже на предыдущей встрече Кантор не очень четко отвечал на вопросы. Без всякой комплиментарности я искренне говорю вам это.

Померанц: Спасибо. Я должен сказать, что меня всегда лекция интересует, как затравка к разговору, и настоящий контакт возникает в личном общении.

Короткий: Мне очень понравился молодой человек, который задал вопрос про соотношение материального и духовного. Действительно, если человек приходит в какое-нибудь восточное общество, ему начинают талдычить о духовности. Но чем он не духовен? Допустим, это какая-нибудь работница, всю жизнь жила, работала, горбатилась, извините, на буржуев, на фабрикантов. Всю жизнь работала, работала, вырастила детей, стирала белье, пеленки. Чем она плохая, что ей еще надо? У нее времени вообще нет читать духовные жития, она и так святая, она праведница, если так прожила свою жизнь.

Померанц: Понимаете, духовность не обязательно связана с ученостью или со знанием каких-то привычных слов. Вот Толстой изображает во «Власти тьмы» Акима, который знает только «тае» или «не тае». Но у Акима есть чутье, что «тае», а что «не тае». И Аким, конечно, существо духовное. Но другой человек, который тоже всю жизнь горбатился, а вот у него такого чувства нет. Это все-таки какое-то внутренне чувство, которое может быть и у бедного и у богатого. Хотя надо сказать, что большое богатство не располагает, слишком много в нем соблазнов.

Вопрос из зала: Спасибо большое за лекцию, действительно очень познавательно и интересно, очень много откликов, но я не об этом. Мой вопрос будет немного не по теме. В силу некоторых причин мне пришлось и самому пообщаться с ветеранами войн, посмотреть своими глазами на

некоторые события, в основном, последней Чеченской кампании. Вы прошли фронт. Как это отразилось на вашем мировосприятии?

Померанц: Довольно парадоксально. Когда я после ранения и контузии снова попал в место, где сильно бомбили, я сперва испытал животный страх, который длился в течение получаса. И я эти полчаса думал, как мне победить свой страх. И, наконец, я вспомнил, что я не испугался бездны пространства и времени, и эту фразу буквально: «Я не испугался пространства и времени, чего я буду бояться нескольких хейнкелей (бомбардировщик)», которые у меня на глазах бомбили совхоз Котлубань. И эта фраза зацепила у меня память о том чувстве, в котором родилось у меня соображение, что не страшна мне бездна пространства и времени. И это дало мне чувство, которого я не ожидал – я совершенно потерял страх риска, наоборот, риск меня увлекал. Поэтому война дала мне смешанное чувство. Я был в ужасе от массовых побоищ, от гибели массы людей. Я иногда проходил ночью по полосе, с которой началось наступление, и натыкался на недозахороненные руки и ноги, торчавшие из земли. И в то же время чувство опьянения, которое у меня вызывали опасность. Поэтому война вызвала у меня двойственное чувство. Лично я прошел ее душевно легко вместе с очень тяжелым чувством от того, чем была война в целом. И фильм «Штрафбат» на примере судьбы одного батальона дает чувство об этих массовых побоищах. Это было жуткое чувство преступного ведения войны и в то же время то, что Пушкин выразил в своих стихах: «Есть упоение в бою, и бездны мрачной на краю...» и т.д. Чувство риска очень поднимает человека. Это, кстати, окрасило и мою жизнь после войны. Я с удовольствием выступая в Институте философии, осознавал, что я дразню начальство, и в то же время оставался в рамках, в которых бóльшая часть присутствующих будет меня защищать. Вот такое у меня представление о войне. Война может и закалить человека и развратить, она очень многолика. У меня даже была

статья в журнале «Знание – сила», «Смена ликов войны». Очень разные лики у войны, одних она развратила, а других она, наоборот, закалила. Очень по-разному.

Я не считаю нужным давать какое-то резюме. Я считаю, что надо жить с открытыми вопросами, надо не бояться открытых вопросов, жить в мире открытых вопросов, не закрывать их ни от страха, ни от недооценки своих способностей, жить в этом мире открытых вопросов. В частности, это одна из характеристик развитой личности. Достоевский в «Зимних заметках о летних впечатлениях» нарисовал образ сильно развитой личности, к которой надо стремиться. Я процитирую наизусть. «Сильно развитая личность, вполне уверенная в своем праве быть личностью, уже не имеющая за себя никакого страха, ничего не может сделать другого из своей личности, то есть никакого более употребления, как отдать ее всю всем, чтоб и другие все были точно такими же самоправными и счастливыми личностями». Это в «Зимних заметках о летних впечатлениях», глава «Опыт о буржуа». Но этом я закончу.

P.S. Пожалуй, хочется прибавить еще несколько слов. Обязательно ли идти, – выйдя из толпы, – через «проклятые вопросы», как их назвал Гейне? Через вопросы Иова, Будды и (после Коперника и Галилея, выдернувших почву из-под ног человечества) вопросы Паскаля? Нет, история создала возможности идти за образами действительно живших людей, сделавших это раньше нас или рядом с нами, или за образами, созданными гениальным воображением (Кришна в Бхагават-гите или Богородица, имеющая совсем мало общего со скромной Марией в Евангелии, но давшего толчок и созданию гениальных молитв и икон). Мне и З.А. очень много дает созерцание икон, собранных в Третьяковской галерее, и слушание религиозной музыки европейского барокко (Палестрина, Вивальди, Бах, Моцарт, Бетховен последних квартетов). Но очень нередко проклятые вопросы настигают – как З.А. вопросы Иова (о

страдании) или меня вопрос Паскаля, припомнившийся Тютчеву: «а человек, сей мыслящий тростник». Это из мыслей Паскаля: «Человек слаб, как тростник, порыв ветра может сломать его, но этот тростник мыслит, и даже если вся вселенная обрушится на него, она не отнимет у него этого преимущества». Вот исток, углубивший творчество Тютчева, Толстого и Достоевского и зацепивший меня. Я не вижу здесь никакой одержимости, только вызов искать свет, пробивающийся сквозь тьму отчаяния и страха.